

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

МАКСИМ ГАЦКОВ,

PhD, исследователь Баварского академического центра Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (BAUHOST), Регенсбург, Германия

Политика и общество после Чернобыля. (Восточно-)Европейские перспективы

**Politik und Gesellschaft nach Tschernobyl.
(Ost-)Europäische Perspektiven / Hg. von M.Arndt. —
Berlin: Ch.Links, 2016. — 316 S.**

На короткой дистанции социальные процессы анализировать нелегко: не всегда возможно адекватно оценить их весомость и однозначно определить вектор их развития. На длинной дистанции трудности анализа определяются наслоением новых событий и контекстов — появлением дополнительных факторов, существенно влияющих на их изначальную динамику. В этом свете период в тридцать лет, прошедших после аварии на Чернобыльской АЭС, с точки зрения социальных наук представляется оптимальным для подведения итогов этого события. Авторы немецкоязычного сборника “Политика и общество после Чернобыля. (Восточно-)Европейские перспективы” под редакцией *Мелани Арндт*, вышедшего в Германии в начале этого года, обращаются к “Чернобыльскому эффекту” как к фактору развития гражданского общества, элементу конструирования национальной идентичности и вызову государственному патронажу атомной энергетики.

Чернобыльская катастрофа как фактор развития гражданского общества рассматривается в сборнике в первую очередь на примере Украины и Польши. *Александр Стегний* реконструирует развитие экологического движения в Украине со второй половины XX века по сегодняшний день, с упором на первые два десятилетия после аварии на Чернобыльской АЭС. Автор, помимо прочего, раскрывает сложную динамику взаимоотношений между общественными организациями и “зелеными” партиями в Украине. Его коллега, *Анастасия Леухина*, для более четкого выделения этапов развития экологического сектора гражданского общества в Украине схематически различает периоды формирования (англ. *forming*), конфликта (*storming*), нормализации (*norming*) и собственно рабочей фазы (*performing*) эколо-

гических организаций. Если основные выводы обоих авторов в целом совпадают, их акценты несколько разнятся. А.Стегний указывает на то, что современное экологическое движение ввиду недостаточных экономических и организационных ресурсов, а также концептуального, творческого кризиса не находит в Украине значимой общественной поддержки и не может, в частности, существенно влиять на государственную политику в сфере атомной энергетики. А.Леухина подчеркивает роль экологического движения в демократизации политической культуры населения Украины в 1990-х годах и обращает внимание на то, что, несмотря на слабость современного украинского гражданского общества, экологическое движение играет в нем не последнюю роль.

“Чернобыльский эффект” в демократизации Польши констатирует и *Кацнер Шулецьки*. Этот эффект заключался, с одной стороны, в появлении в диссидентских кругах наряду с темой прав человека нового мощного дискурса — экологического, а с другой — в стремительном разворачивании активных форм протеста, которые пользовались широкой массовой поддержкой. Вместе с тем дальнейшие процессы показали, что восприятие Чернобыльской катастрофы встроилось в Польше в общеполитическую борьбу с коммунистическим режимом, но не оказало значительного, долгосрочного влияния на экологическое сознание граждан.

На примере Беларуси “Чернобыльский эффект” анализируется как фактор дискурсивного формирования национальной идентичности. *Александр Долговский* выделяет два периода восприятия Чернобыльской катастрофы в советской Беларуси: 1986–1988 годы, когда государство пыталось решить возникшие социальные проблемы на региональном уровне, в рамках так называемого чернобыльского социального договора, и 1989–1991 годы, когда восприятие катастрофы перешло с регионального уровня на общенациональный и привело к политизации активных слоев населения. Однако, несмотря на то, что маркировка катастрофы как национальной трагедии придавала зазвучавшим тогда требованиям касательно национальной независимости в глазах многих белорусов легитимность, государству и на этом этапе удалось купировать протест при помощи “политики материального компромисса”.

После распада Советского Союза, как показывает в своей статье *Татьяна Касперски*, демократические оппозиционные силы Беларуси сначала относительно успешно продолжили политическую борьбу за права граждан под флагом борьбы с последствиями катастрофы. Однако после прихода к власти президента Лукашенко в постчернобыльском дискурсе произошел поворот. Власть приложила значительные усилия для вытеснения Чернобыльской катастрофы как элемента национальной идентичности из сознания людей, вернув на ее место, через объединяющий обе темы дискурс о героических коллективных подвигах белорусского народа, Великую Отечественную войну. Основными целями власти при этом были: снижение финансовых обязательств по отношению к пострадавшим, “реабилитация” затронутых территорий и нормализация отношения населения к атомной энергетике. Так, анализируя стратегии дискурсивного контроля, *Андрей Степанов* находит подтверждения гипотезе о связи между авторитарным политическим режимом и утверждением атомных технологий в энергетике.

Компаративный объем — и вместе с ним некоторую “изюминку” — сборнику придают исследования восприятия Чернобыльской катастрофы в Турции и во Франции. Обе страны объединяет тот факт, что наибольшее внимание к катастрофе их граждане проявили десятилетием позже, чем в странах Восточной Европы. В Турции, как описывает *Айшеджан Терзиоглу*, “Чернобыльский эффект” дал импульс развитию гражданского общества лишь в начале 2000-х годов, когда начали образовываться группы взаимопомощи больных раком и сопутствующие гражданские инициативы, требовавшие изучения возможных негативных последствий радиационного загрязнения. При этом наряду с демократизацией и ростом низовой активности автор отмечает такие особенности турецкого Чернобыльского дискурса,

как драматизация и даже мистификация проблемы. Особенным дискурсивным событием в этом контексте была неожиданная смерть от рака в 2005 году популярного турецкого певца, ранее активно выступавшего в поддержку соответствующих гражданских инициатив.

Во Франции, где, как отмечает *Карена Кальмбах*, атомная энергетика считается прерогативой политико-экономических элит и стилизуется как предмет национальной гордости и фундамент независимости, двадцатилетняя годовщина аварии на Чернобыльской АЭС была использована контрэлитами как повод для “громкой” постановки вопроса о достаточной открытости французской демократии в общем и технологических экспертов перед общественностью в частности.

Особенный вклад в многообразии исследовательских перспектив, представленных в сборнике, вносят работы *Евгении Ивановой* и *Анны В.Вендланд*. Рассматривая постчернобыльские социально-политические процессы сквозь призму гендерных ролей, Е.Иванова раскрывает неоднозначность конструкции “героической” роли мужчин, которым пришлось столкнуться с серьезными вызовами в гендерном самовосприятии и позиционировании своих проблем в политическом дискурсе. Социально-политическому участию женщин, наоборот, катастрофа придала дополнительный смысл и вес. Исследование А.В.Вендланд посвящено визуальной истории советской атомной энергетике и Чернобыльской катастрофы. Взрыв на Чернобыльской АЭС и его последствия временно заменили иконографию белого цвета — “света знания” — на “черную дыру” загрязнения и неизвестности, но позднее и в настоящее время в Беларуси, Украине и России визуальный ряд, призванный устанавливать позитивную ассоциацию с атомной энергетикой, снова занял доминирующие позиции.

Сборник завершает статья *Астрид Зам*, несколько выбивающаяся из общего ряда, поскольку вместо подведения общих итогов автор обращается к аварии на АЭС Фукусимы, упоминаемой во всем сборнике разве что на полях. А.Зам дает обзор международных связей, возникших после катастрофы в Фукусиме на высшем дипломатическом уровне, а также между организациями гражданского общества в Европе (в частности, в Беларуси, Украине, Германии и Франции) и Японии.

Отсутствие обобщающего резюме, правда, в значительной мере оправдывает тот факт, что, если абстрагироваться от деталей, все опубликованные работы эмпирически и нарративно насыщают три базовых тезиса: Чернобыльская катастрофа, во-первых, стимулировала гражданскую активность в сфере экологии и борьбы за право на информацию. Во-вторых, в зависимости от “исходного” уровня развития демократии и в контексте других культурных особенностей, а также экономических императивов соответствующих стран эта гражданская активность имела больший или меньший успех в достижении своих целей и достигла того или иного уровня институционализации. При этом, в-третьих, государственной власти всякий раз успешно удавалось защитить свою дискурсивную позицию по проблеме в общем и атомную энергетику в частности.

Если оценивать сборник не с точки зрения “истории современности” (нем. *Zeitgeschichte*), а с позиции более теоретически ориентированных дисциплин, таких как социальная психология, социология и политология, то главная ценность представленных работ заключается в систематизирующей нарративизации постчернобыльских социальных процессов на основе работы с различными документами и очевидцами произошедших и происходящих событий. Работа, сделанная авторами, их прежние и будущие публикации по этой теме будут, очевидно, составлять базовый корпус социальной истории Чернобыльской катастрофы. Возвращаясь к вступительным замечаниям, можно предположить, что на сегодняшней временной дистанции предварительная черта в общественно-политической рефлексии катастрофы и ее влиянии на развитие обществ может быть подведена: Чернобыль стал историей, дискурсивная память о которой из “массового сознания” и политической сферы переходит в экспертную среду и сборники по “истории современности”.